

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ГЕНЕРАЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9431-0418; elena-generalova@yandex.ru

АРИНА СЕРГЕЕВНА АДАМЕНКО

независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
adamenkoarina26@gmail.com

«ПОВСЕДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ ДЕЛАМ КНЯЗЯ А. Д. МЕНШИКОВА» КАК ИСТОРИКО-ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИКО-ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

А н н о т а ц и я . Рассматривается лексика «Повседневных записок делам князя А. Д. Меншикова». Текст представляет собой семь журналов (за 1716–1720, 1726 и 1727 годы) записей секретарей А. Д. Меншикова о его ежедневных занятиях. Памятник не был ранее предметом лингвистического анализа и содержит ряд лексем, не зафиксированных лексикографическими источниками, в частности «Словарем русского языка XVIII века» и «Словарем Академии Российской». Характеризуется выделенная методом сплошной выборки лексика, маркированная генетически (заимствования и церковнославянизмы) и стилистически (разговорная, высокоофициальная (этикетная), официально-деловая (канцелярская)), рассматривается взаимодействие различных лексических пластов и отдельные лексические параллели, приводятся слова и варианты, не получившие до настоящего времени лексикографическую фиксацию, уточняется датировка вхождения в русский язык отдельных заимствований. Анализ показал значимость для исследования языка Петровской эпохи текста «Повседневных записок...» как памятника, демонстрирующего, с одной стороны, смешение и отсутствие четких закономерностей в употреблении лексики разных маркированных пластов русского языка, а с другой стороны, намечающиеся тенденции в сложении новых норм употребления в начальный период формирования национального языка. Обнаруженные в памятнике лексические единицы и их варианты, более ранние вхождения заимствований, не зафиксированные словарями русского языка, принципиально важны для восполнения лакун исторической лексикографии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : историческая лексикология, историческая лексикография, А. Д. Меншиков, язык Петровской эпохи, «Словарь русского языка XVIII века», заимствование, славянизм, просторечие, высокоофициальная лексика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Генералова Е. В., Адаменко А. С. «Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова» как историко-лексикологический и историко-лексикографический источник // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 3. С. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1295

ВВЕДЕНИЕ

Историческая лексикология и историческая лексикография предполагают тезаурусный подход, то есть учет всех лексических и фразеологических единиц, известных в памятниках письменности определенного периода развития языка. Эта задача имеет свои сложности как для отдаленных по времени эпох (в связи с фрагментарностью свидетельств и возможными трудностями в расшифровке рукописей), так и для периодов, приближенных к современности (в связи со значительным количеством документов), однако

становится все более достижимой за счет корпусных методов. Лексический состав каждого текста важен для восстановления полной и объективной картины языковой эпохи.

В центре внимания настоящей статьи – лексика «Повседневных записок делам князя А. Д. Меншикова» (ПЗМ), представляющих собой семь «Юрналиов», составленных секретарями Меншикова за 1716, 1717, 1718, 1719, 1720, 1726 и 1727 годы. Этот масштабный текст Петровской эпохи не был ранее предметом специального лингвистического анализа и содержит ряд лексем,

не зафиксированных лексикографическими источниками, в частности «Словарем русского языка XVIII века» (СлРЯ 18), что и предопределяет научную новизну и практическую значимость данной статьи. Исследование лексических особенностей конкретных текстов Петровской эпохи актуально для исторической лексикологии и истории русского литературного языка в отношении изучения функционирования разных лексических пластов в эпоху формирования языка нового качества. Обнаруженные в тексте ПЗМ лексические единицы, не зафиксированные историческими словарями русского языка, важны для восполнения лакун исторической лексикографии.

«ПОВСЕДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ ДЕЛАМ КНЯЗЯ А. Д. МЕНШИКОВА»: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКА

По содержанию ПЗМ – это подробное описание ежедневных занятий светлейшего князя А. Д. Меншикова, дополненное регулярными краткими сведениями о международном положении, придворной жизни, погоде:

«При дворе Меншикова секретарь вел журнал наподобие камер-фурьерского под названием “Повседневные записки...”. В нем регистрировались события жизни князя начиная от времени, когда он просыпался, затем повременно фиксировались события, подлежащие внешнему наблюдению: обед, прием посетителей, беседы с ними, выезды князя из дворца с указанием, к кому он отбывает, время посещения бани, болезни князя и прочее и прочее» [12: 70].

Бумаги Меншикова, собранные первоначально после его ареста в 1727 году, а затем после его смерти в 1729 году, были описаны специальной комиссией в 1733–1734 годах. В середине 1735 года началась работа над более подробной, систематизированной по годам описью канцелярии; в этой описи и встречаются первые упоминания о ПЗМ. Детальная «Записка о разборе князя Меншикова дел» была составлена в 1766 году Н. Н. Бантыш-Каменским. В настоящее время в РГАДА хранится семь книг «Юрнал» Меншикова: за 1716–1720 и 1726–1727 годы; они были опубликованы в 2000 году (ПЗМ). «Юрналы» велись секретарями канцелярии А. Д. Меншикова: Яковом Павловичем Веселовским (в 1716–1718 годах), Алексеем Яковлевичем Волковым (в 1716–1718, 1719 годах) и другими писцами, почерки которых не идентифицированы. Оригиналы 1716–1719 годов и 1726 года называются «Юрнал... году», за 1720 год – «Повседневная записка делам князя Меншикова», журнал 1727 года носит название, данное при описании:

«В сей свяске журнал 1727 году или Повседневная записка, что в каждых числах князь Меншиков какие правления чинил и где был и о всяких ево состояниях генваря с 1-го сентября по 9-е число»; записи за 1721–1725 годы отсутствуют, хотя в некоторых описях XVIII в. упоминаются записки «неизвестного года» (ПЗМ: 11).

Историческое значение ПЗМ трудно переоценить. Тексты позволяют выяснить подробности светской жизни Петровского времени, биографии А. Д. Меншикова, его современников, императора, внести уточнения в хронологию застройки Петербурга в начале XVIII века, восстановить историю создания русского флота и т. п. Памятник не раз становился объектом исследования историков Петровской эпохи как в XIX веке¹, так и позже [3], [7]. Не менее ценный материал ПЗМ представляют для текстологов и историков языка: см. подробный текстологический и источниковедческий анализ рукописи А. П. Глаголевой, обнаружившей в архиве ЛОИИ АН СССР подготовленный к печати текст ПЗМ за 1716–1718 годы [5]. Однако в лингвистическом отношении ПЗМ не изучались. При этом, представляя собой яркий, в известной степени даже образцовый (с учетом значимости содержания) памятник Петровской эпохи, текст информативен для изучения периода начала формирования национального русского языка и значим как историко-лексикологический и лексикографический источник.

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ ПЗМ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗЛИЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПЛАСТОВ

Основное направление настоящего исследования – изучение словарного состава ПЗМ. Согласны с историками языка, подчеркивающими, что «проводимый анализ бессмысленно ограничивать простым перечислением встретившихся слов, словоформ и случаев варьирования» [9: 677]; в статье рассматриваются лексические пласты, маркированные по генетическому (церковнославянизмы и заимствования) и функционально-стилистическому (разговорная, высокоофициальная (этикетная), официально-деловая (канцелярская) лексика) принципам, и их взаимодействие с основным словарным составом в связи с новым качеством складывающегося в Петровское время национального русского языка.

При определении семантики и стилистической принадлежности лексических единиц учитывалась их фиксация и интерпретация в максимально близких времени создания памятника словарях XVIII века: «Словаре Академии Российской» (САР), русско-голландском лексиконе

Я. В. Брюса (Брюс, 1717), «Словаре разноязычном», представляющем собой седьмое приложение «Письмовника» Н. Г. Курганова (Курганов, 1769), «Церковном словаре» П. А. Алексея (Алексеев, 1773). Для исследования заимствованной лексики были также использованы словари иностранных слов последующих периодов: «Новый словотолкователь» Н. М. Яновского (Яновский, 1826), «Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней» А. Д. Михельсона (Михельсон, 1865) и труд Н. А. Смирнова «Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого» (Смирнов, 1910). Изучение предшествующей судьбы слова в языке и времени его вхождения в русский язык (для новейших заимствований) проводилось с опорой на данные этимологических («Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (Фасмер) и «Русский этимологический словарь» А. Е. Аникина (Аникин)) и исторических словарей русского языка («Словарь русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ 11–17), «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» (СОРЯ) и его картотека). В случаях, когда найденное в ПЗМ слово не было обнаружено в словарях, для определения времени вхождения заимствованного слова в язык использовался основной подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

На основе данных исторических и этимологических словарей, а также словарей иностранных слов разных эпох в тексте ПЗМ были выделены иноязычные слова, появление которых в русском языке можно отнести к 1670–1720-м годам, то есть новейшие для времени создания текста. Общее количество таких лексем по семи проанализированным журналам – 324. Тематически преобладает лексика военная (*цитадель*, *траншемент* ‘военное укрепление’, *казарма*, *кампемент* ‘военный лагерь’, *цейхгауз*, *амуниция*, *инфантерия*, *генерал-фельдмаршал* и др.), морская (*капитан-камандор*, *навигатор* ‘мореплаватель’, *зеель-махар* ‘парусный мастер’, *буер*, *флейт* ‘большое грузовое судно’, *торнишоут* ‘род малого судна’, *шканцы* и др.), административная (*сенат*, *министр*, *ассессор*, *камер-юнкер*, *обер-италмейстер*, *копия*, *манифест*, *абшит* ‘отставка’ и др.), общественного и частного быта (*австерия*, *ординария* ‘постоялый двор’, *балдахин*, *гзымс* ‘карниз’, *сервиз*, *банкет* и др.), научная (*фигура*, *глобус*, *прешпектива* и др.), культуры и искусства. Обнаруживается номинативный характер иноязычной лексики в ПЗМ: большую часть составляют имена существительные, глаго-

лов только четыре (*арестовать*, *командировать*, *капитуловать*, *презентовать*), прилагательных от заимствованных основ – три (*пунцовый*, *ординальный*, *ординарный*).

Отличительной чертой языка Петровской эпохи является многоконтakтность [1]. Иноязычная лексика, выделенная в ПЗМ, приходит в русский язык преимущественно из живых европейских языков; многие заимствования являются опосредованными, но не всегда возможно однозначно определить путь их проникновения.

Для исследования языковой избыточности и конкуренции синонимичной исконной и иноязычной лексики в языке Петровской эпохи изучалось параллельное употребление заимствованных слов и их русских соответствий – «эквиваленты», «русско-иноязычные параллелизмы», «дублеты» [2: 126–133], «лексические параллели» [16: 153–155]. В ПЗМ зафиксированы *априс* / *чертеж*, *армия* / *войско*, *аудиенция* / *прием*, *вест* / *запад*, *визит* / *приезд*, *виктория* / *победа*, *гавань* / *пристань*, *инкогнито* / *тайно*, *кирка* / *церковь*, *манифест* / *указ*, *медикаменты* / *лекарство*, *норд* / *север*, *орден* / *знак*, *ордер* / *приказ*, *ординальный* и *ординарный* / *обыкновенный*, *парад* / *смотреть*, *амбоседер* и *резидент* / *посол* и *посланник*, *презентовать* / *дарить*, *ранг* / *чин*, *резюлюция* / *решение*, *цитадель* и *фартеция* / *крепость*, *штурм* / *буря*. Соотношение русско-иноязычных параллелизмов редко сводится к семантической дублетности [6: 868]. Например, не совпадает объем понятий слов синонимичного ряда *амбоседер* / *резидент* / *посол* / *посланник* ‘дипломатический представитель государства в другой стране’. Слово *амбоседер* (из французского (*ambassadeur*) через польский) встречается четыре раза в «Юрнале» за 1726 год. Ф. Н. Сергеев, рассмотревший иноязычные наименования дипломатических уполномоченных в русском языке XVII–XVIII веков, используя данные и СлРЯ, приводит различные фонетико-графические варианты этого заимствования: *амбасадор* (1711), *-босо-* (1711), *-басо-* (1724), *-дур* (1708), полонизм *амбашадур* (1707), *-дер* (1706), *-бассадер* (1803) и *-басадер* (1710) (СлРЯ 18: 1, 57) [15: 77], среди которых вариант, зафиксированный в ПЗМ, отсутствует. В ПЗМ слово обозначает исключительно шведского посла и соседствует со словосочетанием *шведский посол*: *В 11-м часу был господин шведской посол амбоседер* (ПЗМ: 387), *В то время посла швецкого барона амбоседера принимали в дом Ея императорского величества* (ПЗМ: 404). Частота употребления лексемы *резидент* гораздо выше – 40 фиксаций в журналах разных лет, лексема

используется как родовая, а не по отношению к конкретному человеку, определяется разными оттопонимическими прилагательными: *саксонской резидент Лос* (Юрнал 1716) (ПЗМ: 17), *галанской резидент Деби* (Юрнал 1716) (ПЗМ: 17), *генерал-маеор Ягушинской, прусской резидент* (Юрнал 1718) (ПЗМ: 228). Ф. М. Сергеев отмечает, что лексема *резидент* известна в русском языке с 1630-х годов и изначально обозначала торгового представителя, постоянно проживающего в иностранном государстве, с XVIII же века употребляется как обозначение дипломатического представителя и часто выступает синонимом слова *посланник* [15: 77–78]. Русский синоним *посланник* – самое общее по значению и самое частотное слово данного синонимического ряда, имеет 128 фиксаций, обозначает представителей разных стран, сочетается с прилагательными *прусской, швецкой, французской, галанской, польской, датской*. Слово *посол* гораздо менее употребительно (14 раз), известно только в сочетании с прилагательными *швецкой* и *цесарской*.

Другую значительную группу маркированных с генетической точки зрения единиц в ПЗМ составляют церковнославянизмы. С учетом фонетических, словообразовательных, семантических особенностей и с опорой на «Церковный словарь» А. П. Алексеева (Алексеев, 1773) (первый русский лексикографический труд, наиболее полно описывающий церковнославянскую лексику [19: 87] и отражающий синхронное XVIII веку восприятие слов как церковнославянизмов) в ПЗМ было выявлено 135 лексических единиц, которые могут быть отнесены к церковнославянскому пласту. С тематической точки зрения это в первую очередь религиозная лексика (*Благовещение, Богоявление, Преображение, акафист, вечерня, всенощная, ектения, литургия, молебен, панахида, живоначальный, живоносный* и др.), обозначения и характеристики природных явлений (*ветр, мраз, мразный, мразно, хлад, хладный, сумрачный* и др.). С грамматической точки зрения наибольшую часть церковнославянизмов в ПЗМ составляют существительные (65 слов), однако в тексте есть также прилагательные (*молебный, дражайший* и др.), глаголы (*преселиться, преставать, причащаться* и др.), наречия (*всекопечно, зело, како, купно, мразно, мрачно, наипаче, паки, пополуноци, тако* и др.) и служебные слова (*егда, ежели, понеже, ибо, чрез*).

В случаях параллельного употребления церковнославянских слов и их русских соответствий (*всенощный / всенощный, град / город, здравие / здоровье, како / как, мраз / мороз, ночь / ночь, передспальня / предспальная, тако / так, хладный /*

холодный, чрез / через и др.) в 10 из 14 случаев церковнославянизм по количеству употреблений превалирует над соответствующим русизмом. Например, церковнославянизм *мразен* употребляется значительно чаще русского слова *морозен* и используется в сочетании со славянским наречием *зело*, тогда как *морозен* – с русским наречием *отчасти*:

День был зело мразен с солнечным сиянием (Юрнал 1717) (ПЗМ: 100), *День был зело мразен при лехком в море ветре* (Юрнал 1717) (ПЗМ: 100) и *День был сумрачен, отчасти морозен и шел малой снег* (Юрнал 1716) (ПЗМ: 82).

Характерен следующий контекст: *День был при солнечном сиянии, зело хладен и отчасти морозен* (Юрнал 1716) (ПЗМ: 32), который ярко демонстрирует, с одной стороны, смешение лексики разных генетических пластов в языке Петровской эпохи (в пределах одного контекста), а с другой – тенденцию к осознанию разного языкового характера этих пластов.

Маркирована лексика и по функционально-стилистическому принципу. Один из таких рядов – разговорная лексика. Ее выделение осложняется неоднозначностью категории просторечия для языка XVIII века, на что обращал внимание Ю. С. Сорокин:

«С одной стороны, просторечие охватывает те черты разговорной речи, которые противостоят нейтральным формам книжного языка и его общим нормам; с другой же стороны, как просторечные часто квалифицируются и характерные русские формы в их отличии от церковнославянских форм высокого стиля. В этом смысле неразлично сливаются между собой “просторечие” и “простое, обыкновенное употребление языка”» [17: 100].

Для языка XVIII века под просторечием понимаем «совокупность слов, специфичных для общей разговорной речи» [8: 24], такое положение непосредственно связано с предшествующим, донациональным языковым состоянием, когда просторечие существовало не как сложившаяся функциональная система, а как набор отдельных стилистически окрашенных элементов, прежде всего лексических, которые и станут основой будущей системы [4: 32].

В составе ПЗМ было выделено 25 единиц разговорного характера. Это слова обиходно-бытовой тематики (*домашники, домовные, пожитки, вещицы*), обозначения дней недели (*понеделок, пятток, четверток*) и некоторых бытовых действий (*поиспужаться, мешкать, спроваживать*), отдельные наречия времени (*зарани* и др.) и количества (*помалу*), местоименные наречия места (*куды, никуды, откуля, оттуду* и др.) и произ-

водные от них прилагательные (*тамошний, тутошний*). С грамматической точки зрения большую часть разговорной лексики составляют наречия (*ввечеру, зарани, куды, никуды, особливо, откуля, оттуду, помалу, поутру*), далее идут существительные.

Имеет место параллельное употребление просторечных и нейтральных лексем: *вещицы / вещи, куды / куда, никуды / никуда, откуля / откуда, оттуду / оттуда, понеделок / понедельник, пятток / пятница*. Среди местоименных наречий в большинстве случаев нейтральное слово превагирует над разговорным: см. *куды* (18 фиксаций) / *куда* (425), *оттуду* (8) / *оттуда* (108), *откуля* (1) / *откуда* (20). Последовательных закономерностей в употреблении просторечной лексики не наблюдается, в одном предложении нередко соседствует просторечная, нейтральная и, например, иноязычная и высокоофициальная лексика: см. *В 16 день в 6-м часу пополуночи его светлость встав, гуляв по всем работам, потом прибыл в свою квартиру, с тутошними штап- и обор-офицерами выкушав вотки...* (Юрнал 1717) (ПЗМ: 128).

В Петровскую эпоху активно формируется пласт этикетно-официальной лексики, поскольку преобразования в административной сфере вызвали необходимость включения в государственный аппарат новых чинов и званий, а вследствие этого внедрения в речь формул вежливого обращения нижестоящих чинов к высшим [13: 195]. В деловом по жанру тексте ПЗМ зафиксирована 21 единица высокоофициальной лексики: эпитеты монархов и вышестоящих чинов (*светлейший, верховный, всемилостивый, высококняжский, вседражайший, пресветлейший, всепресветлейший, достойноблаженный, благочестивейший, высочайший, всероссийский, надлежащий*), именованья монархов и высших чинов и обращения к ним (*величество, высочество, превосходительство, сиятельство, светлость, светлейшество, ясно-вельможность*), также два наречия (*премилостивейше, всемилостивейше*). Выделенные лексемы в большинстве своем являются компонентами устойчивых сочетаний, прежде всего формул титулования и этикетных обращений: *светлейший князь / княгиня, ее / его высочество, его / ее / их величество, его сиятельство, всемилостивейший государь, его высококняжая светлость, его светлейшество, царское величество* и др.

Выделяется и другой специфический элемент складывающейся официально-деловой лексики – канцеляризм: *вышереченный, вышешисанный, нижеписанный* и др. В ПЗМ также широко употребляются отглагольные существительные, обозначающие процессы, состояния и действу-

ющих лиц, часты книжные по происхождению конструкции с отвлеченными существительными *«по + Д. п.»* (*по обложению, по обыкновению, по недолгому времени*), *«по + П. п.»* (*по отшествии, по обыкновенном комплементе, по многом (немногом) времени*).

Группы, выделяемые по генетическому и функциональному принципам, пересекаются: так, основная масса терминологической лексики представлена заимствованиями (кроме религиозной терминологии, имеющей церковнославянское происхождение), высокоофициальная лексика и лексика канцелярского стиля обнаруживают признаки церковнославянизмов, что характерно для развития делового стиля XVIII века, поскольку «славянизмы становятся стилеобразующим средством нового канцелярского слога» [14: 45], (см. «материалы центральной и региональной деловой письменности XVIII в. свидетельствуют об активном использовании славянизмов в разнообразных функциях» [10: 42]).

Таким образом, в ПЗМ наблюдается лексика, различная по происхождению и функциональной приуроченности. Эти элементы активно взаимодействуют между собой и с остальным словарным составом языка, в том числе в пределах одного контекста. Принципы использования различных языковых средств еще не выработаны, но в некоторых случаях наблюдаются определенные тенденции.

ПЗМ КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Особый интерес представляют обнаруженные в ПЗМ лексические единицы, не зафиксированные в вышедших выпусках СлРЯ 18, а также «Словаря Академии Российской» (САР). Этот материал, дополняющий научное представление о языке XVIII века (в стремлении к тезаурусному), – свидетельство значимости ПЗМ как лексикографического источника.

В исторических словарях русского языка (СлРЯ 11–17, СОРЯ, СлРЯ 18), а также в САР и толковых словарях последующих периодов не получили фиксации лексемы *архиигуменья* и *князь-игуменья*, своего рода церковнославянизмы-неологизмы Петровского времени и историзмы с точки зрения современного языка. *Князь-игуменья* и *архиигуменья* – титулы женщин во Всешутейском соборе Петра I: различались «*князь-игуменья* (до конца декабря 1717 года ею была Дарья Гавриловна Ржевская, а потом Анастасия Петровна Голицына), *архиигуменья* (в их разряд и перешла Ржевская, оставив прежний пост), *игуменья, диаконисы и монахини*» [18: 64]. Такой уникальной исторической семантикой

и объясняется отсутствие слов в исторических и толковых словарях и их употребление преимущественно в текстах XVIII века или в трудах историков, описывающих Петровское время.

В СлРЯ 18 также отсутствует глагол *возыметь* (есть только в историческом словаре предыдущего периода – «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СОРЯ: 2, 299) и далее в толковых словарях XX века). В СлРЯ 18 и САР отсутствуют отмеченные в ПЗМ заимствования *гофкавалер*, *зеэль-махар*, *канцлей-директор*, *кригс-канцлей-директор*, *обер-гофшталмейстер*, *обер-мунишенк*, канцеляризмы *вышенареченный*, *новозаписанный*, *новосовокупленный* и высокоофициальная лексема *премилостивейше*. В САР не описаны зафиксированные в ПЗМ лексемы *прешествие*, *хождение*, *рация*, *реверз*, *рейс-маршал*, *торнихоут*, *транжамент*, *фендрика*, *фор-марсель*, *штандарт*, *штатс-кантора*, *эверс*, *экстракт*; выпусков СлРЯ 18 на эти буквы еще нет. В ПЗМ встречаются и не упомянутые лексикографическими источниками варианты слов: *иердань* – вариант слова *иордань* ‘сооружение для совершения освящения воды’ (СлРЯ 18: 9, 109), *амбоседер* – вариант к *амбасадор* (СлРЯ 18: 1, 57), *болонтирование* – вариант к слову *баллотирование*, описанному в статье на глагол *баллотировать* и охарактеризованное как слово, функционировавшее только в XVIII веке (СлРЯ 18: 1, 133), *ланжарей* – вариант к *оранжерей* (СлРЯ 18: 17, 64).

В ходе анализа было обнаружено слово *домашники* ‘домочадцы’, не зафиксированное в СлРЯ 18, неизвестное в языке последующего периода и имеющее единственную фиксацию в ПЗМ:

*В 1 день, то есть в пяток, его светлость в 7-м часу пополудни встав, изволил гулять по покоям, потом убравшись, по работам, и в 12-м часу кушал з **домашними** своими и с придворными своими* (Юрнал 1716) [14: 43].

Лексема является синонимом употребляющихся в ПЗМ субстантивированных прилагательных *домашние* и *домовные*: ср. *Прибыл в дом свой и по розговорех кушал з **домашними** своими* (Юрнал 1716) (ПЗМ: 42). Однократность использования слова, близость и практически полная идентичность контекстов с лексемами *домашники* и *домашними* в журнале 1716 года вызывает сомнение в правильности написания лексемы (возможно, ошибочно вместо *домашними*).

Для некоторых лексем удалось определить более раннее время заимствования: см. для слова *кавалергард* в СлРЯ 18 время вхождения отмечено как 1755 год (СлРЯ 18: 9, 186), а в ПЗМ встречается в «Юрналах» за 1726 и 1727 годы;

для лексемы *оранжерей* в СлРЯ 18 время вхождения отмечено как 1721 год (СлРЯ 18: 17, 64), а в ПЗМ в варианте *ланжарей* слово есть в «Юрналах» за 1719 год.

Обнаруженные лексические единицы и их варианты, не зафиксированные историческими словарями русского языка, принципиально важны для восполнения лакун исторической лексикографии.

ВЫВОДЫ

1. «Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова» представляют собой малоизученный в лингвистическом отношении, но значимый для исследования языка Петровской эпохи памятник русского языка.

2. Текст обнаруживает смешение элементов различных лексических пластов. Методом сплошной выборки из текста ПЗМ была отобрана лексика, маркированная по генетическому (324 заимствования, 135 церковнославянизмов) и стилистическому (25 разговорно-просторечных единиц, 22 канцеляризма, 21 лексема высокоофициального стиля) принципам.

3. Анализ показал тематическую и грамматическую специфику каждого из разрядов: среди заимствований преобладает лексика военного и морского дела, административная и характеризующая общественный быт, среди церковнославянизмов – религиозная лексика и обозначения природных явлений, в грамматическом отношении иноязычная лексика представлена почти исключительно существительными, среди церковнославянизмов наряду с существительными немало глаголов, прилагательных, наречий, союзов, среди слов разговорно-бытовой тематики преобладают наречия, а высокоофициальная лексика и канцеляризмы – это в первую очередь прилагательные, также существительные.

4. Разнородные элементы в тексте находятся в тесном взаимодействии между собой и с остальным словарным составом. Рассмотрение параллельных употреблений в ПЗМ церковнославянизмов и русизмов, заимствований и соответствующих им исконных синонимов, а также разговорно-просторечной и нейтральной лексики продемонстрировало отсутствие четких закономерностей в употреблении лексики разных маркированных пластов, подтверждая тезис Н. А. Мещерского о «причудливом смешении» церковнославянских, заимствованных, просторечных, диалектных слов, «стилистической пестроте и неупорядоченности литературного языка» Петровского времени [11: 149–150]. Однако намечаются и определенные тенденции употре-

бления маркированных единиц (напр., отдельные случаи выравнивания лексического состава словосочетаний). Можно сказать, что ПЗМ как яркий образец языка начала XVIII века представляет собой характерный текст периода начала формирования национального языка.

5. В ходе исследования были обнаружены слова, не зафиксированные в СлРЯ 18 и САР, а также неизвестные варианты к уже описанным словам. Зафиксированные в тексте ПЗМ единицы значимы для восполнения лакуна исторической

лексикографии и полного научного представления о лексической системе XVIII века в эпоху формирования национального русского языка.

Таким образом, как памятник первой четверти XVIII века ПЗМ отражает начало формирования национального русского литературного языка, сложение новых норм употребления и взаимодействия различных лексических средств. Значима ценность ПЗМ и как лексикографического источника. Текст ПЗМ нуждается в многоаспектном и подробном лингвистическом анализе.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ См., напр., публикацию Г. В. Есипова «Ссылка Меншикова» (Отечественные записки. 1860. № 8. Т. 131. С. 380–383), к которой приложен текст ПЗМ с 17 августа по 8 сентября 1727 года.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

Алексеев, 1773 – Алексеев П. А. Церковный словарь, или Истолкование речений словенских древних, також иноязычных без перевода положенных в священном писании и других церковных книгах. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1773. 396 с.

Аникин – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–14. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2007–2021; изд. продолжается.

Брюс, 1717 – Брюс Я. В. Книга лексикон или Собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык. СПб., 1717 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kp.rusneb.ru/item/material/kniga-leksikon-ili-sobranie-rechey-po-alfavitu-s-rossiyskogo-na-gollandskiy-yazyk?ysclid=lp0c22h8i4999442398> (дата обращения 20.07.2025).

Курганов, 1769 – Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезнотраважных вещей. СПб., 1769. 424 с.

Михельсон, 1865 – Михельсон А. Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865. 718 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 10.02.2024).

ПЗМ – Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С. Р. Долговой, Т. А. Лаптевой; Под ред. А. Л. Налепина. М.: Рос. архив, 2000. 646 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/rosarc/raa/raa-015-.htm?cmd=1> (дата обращения 20.07.2025).

САР – Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб.: Имп. Акад. наук, 1789–1794.

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–10. СПб.: Наука, 2004–2025.

СлРЯ 11–17 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М.: Наука, 1975–2025; изд. продолжается.

СлРЯ 18 – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–23. Л.; СПб.: Наука, 1985–2025; изд. продолжается.

Смирнов, 1910 – Смирнов Н. А. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук Т. 88, [№ 1–3] 1910. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. С. 1–399.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Астрель: АСТ, 2004.

Яновский, 1806 – Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины: Ч. 1–3. СПб.: Имп. Акад. наук, 1803–1806.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1972. 433 с.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высш. шк., 1982. 528 с.
3. Возгрин В. Е. Дипломатическая деятельность А. Д. Меншикова в период Северной войны // Русская культура первой четверти XVIII века: Дворец Меншикова: Сб. науч. тр. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1992. С. 116–123.
4. Генералова Е. В. Лексика просторечного характера в русском языке конца XVI–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 64. С. 30–41. DOI: 10.17223/19986645/64/2
5. Глаголева А. П. Повседневные записки князя А. Д. Меншикова (К изучению материалов Меншиковского архива) // Проблемы источниковедения. Т. 5. М., 1956. С. 159–183.

6. Истратий В. В. О параллельном употреблении исконных и заимствованных слов в «Ведомостях» Петровского времени // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2017. Т. 13, № 3. С. 867–885.
7. Карпухина В. Н. Почеп в Повседневных записках А. Д. Меншикова // *Брянский краеведческий вестник*. 2022. № 1 (3). С. 49–61.
8. Князькова Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л.: Наука, 1974. 253 с.
9. Круглов В. М. О задачах изучения русского языка Петровской эпохи (статья первая) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2016. Т. 12, № 3. С. 673–682.
10. Майоров А. П. Варьирование и динамика лексических норм в региональном узусе русского языка XVIII в. // *Славянская историческая лексикология и лексикография*. 2022. Вып. 5. С. 24–42.
11. Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. 279 с.
12. Павленко Н. И. Был ли А. Д. Меншиков грамотным? // *Наука и жизнь*. 2006. № 3. С. 69–75.
13. Руднев Д. В., Садова Т. С. Деловой язык как основа государственной коммуникации: проблема нормообразования // *Политическая лингвистика*. 2018. № 1 (67). С. 191–201. DOI: 10.26170/pl18-01-23
14. Садова Т. С., Руднев Д. В. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2019. № 5 (182). С. 43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350
15. Сергеев Ф. Н. Иноязычные наименования дипломатических уполномоченных в русском языке (по данным памятников письменности XVII–XVIII вв.) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2013. № 4 (79). С. 77–82.
16. Сицына-Кудрявцева А. Н. Лексемы-интернационализмы в парах русско-иноязычных слов-параллелизмов XVIII века // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 5-3 (71). С. 152–156.
17. Сорокин Ю. С. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» // *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 95–160.
18. Усенко О. Г. Сумасброднейший собор // *Родина*. 2005. № 2. С. 61–67.
19. Феликсов С. В. «Церковный Словарь» протоиерея Петра Алексеева: история изданий и лингвотекстологическое описание // *Труды Перервинской православной духовной семинарии*. 2021. № 21. С. 87–103.

Поступила в редакцию 28.07.2025; принята к публикации 19.01.2026; дата публикации 31.03.2026

Original article

Elena V. Generalova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-9431-0418; elena-generalova@yandex.ru

Arina S. Adamenko, Independent Researcher (St. Petersburg, Russian Federation)

adamenkoarina26@gmail.com

“DAILY NOTES ON THE AFFAIRS OF PRINCE ALEKSANDR MENSHIKOV” AS A SOURCE OF HISTORICAL LEXICOLOGY AND HISTORICAL LEXICOGRAPHY

Abstract. The article examines the vocabulary of “Daily Notes on the Affairs of Prince Aleksandr Menshikov”, which comprise seven journals of notes (dated 1716 to 1720, 1726, and 1727) written by Prince Menshikov’s secretaries who recorded his everyday activities. The text has not previously been the subject of linguistic analysis and contains a number of lexemes that have not been recorded in lexicographic sources, in particular, the *Dictionary of the Eighteenth-Century Russian Language* and the *Dictionary of the Russian Academy of Sciences*. The article characterizes the words selected by the continuous sampling method and analyzes them according to their origins (i. e., borrowings and Church Slavonic lexemes) and stylistic register (i. e., colloquial, formal high style, and official lexical units) in order to examine interaction of various lexical layers and lexical parallels, present words and variants that have not been fixed in dictionaries so far, and clarify the dating of certain borrowings entering the Russian language. The analysis demonstrated the importance of studying the “Daily Notes...” as one of the meaningful examples of the language of the Petrine era, which demonstrates the blending of words from differently marked sections of the Russian language and the lack of clear patterns for their usage, on the one hand, and the emerging trends in the formation of new norms of word usage during the initial period of the formation of the national Russian language, on the other hand. Identified words and their variants, as well as earlier occurrences of borrowings not recorded in the dictionaries of the Russian language are fundamentally important for filling the gaps in historical lexicography.

Keywords: historical lexicology, historical lexicography, Aleksandr Menshikov, language of Petrine era, *Dictionary of the Eighteenth-Century Russian Language*, borrowing, Church Slavonic lexemes, vernacular, formal high-style vocabulary

For citation: Generalova, E. V., Adamenko, A. S. "Daily Notes on the Affairs of Prince Aleksandr Menshikov" as a source of historical lexicology and historical lexicography. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;48(3):8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1295

REFERENCES

1. Birzhakova, E. E., Voynova, L. A., Kutina, L. L. Essays on the historical lexicology of the Russian language of the XVIII century. Leningrad, 1972. 433 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. Essays on the history of the Russian literary language of the XVIII and XIX centuries. Moscow, 1982. 528 p. (In Russ.)
3. Vozgrin, V. E. Diplomatic activity of Aleksandr Menshikov during the Northern War. *Russian culture of the first quarter of the XVIII century: Menshikov's Palace*. St. Petersburg, 1992. P. 116–123. (In Russ.)
4. Generalova, E. V. Russian colloquial vocabulary of the late 16th and the 17th centuries. *Tomsk State University Journal*. 2020;64:30–41. DOI: 10.17223/19986645/64/2 (In Russ.)
5. Glagoleva, A. P. Daily notes of Prince Aleksandr Menshikov (on studying the materials of Menshikov's archive). *Problems of source studies*. Vol. 5. Moscow, 1956. P. 159–183. (In Russ.)
6. Istratiy, V. V. On the parallel usage of loan and native words in the *Vedomosti* newspaper of 1703–1719. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2017;13(3):867–885. (In Russ.)
7. Karpukhina, V. N. Pochep in the "Daily Notes of Aleksandr Menshikov". *Bryansky kraevedchesky vestnik*. 2022;1(3):49–61. (In Russ.)
8. Knyaz'kova, G. P. Russian vernacular of the second half of the XVIII century. Leningrad, 1974. 253 p. (In Russ.)
9. Kruglov, V. M. Russia in the age of Peter the Great. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2016;12(3):673–682. (In Russ.)
10. Mayorov, A. P. Variation and dynamics of lexical norms in the regional usus of the 18th century Russian language. *Slavic Historical Lexicology and Lexicography*. 2022;5:24–42. (In Russ.)
11. Meshchersky, N. A. History of the Russian literary language. Leningrad, 1981. 279 p. (In Russ.)
12. Pavlenko, N. I. Was Aleksandr Menshikov literate? *Nauka i zhizn*. 2006;3:69–75. (In Russ.)
13. Rudnev, D. V., Sadova, T. S. Official language as the basis of state communication: to the problem of normalization. *Political Linguistics*. 2018;1(67):191–201. DOI: 10.26170/pl18-01-23 (In Russ.)
14. Sadova, T. S., Rudnev, D. V. Crystallization of formal speech in the Petrine era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;5(182):43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350 (In Russ.)
15. Sergeev, F. N. Foreign language names of diplomatic representatives in the Russian language (based on the written monuments of the XVII–XVIII centuries). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2013;4(79):77–82. (In Russ.)
16. Sitsyna-Kudryavtseva, A. N. The lexemes-internationalisms in pairs of Russian-foreign language words-parallelisms of the XVIII century. *Philology. Theory & Practice*. 2017;5-3(71):152–156. (In Russ.)
17. Sorokin, Yu. S. Colloquial and folk speech in the *Dictionary of the Russian Academy of Sciences. Materials and research on the history of the Russian literary language*. Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1949. P. 95–160. (In Russ.)
18. Usenko, O. G. The Craziest Council. *Rodina*. 2005;2:61–67. (In Russ.)
19. Feliksov, S. V. *The Church Dictionary* by Archpriest Peter Alekseev: the history of publications and linguotextological description. *Proceedings of the Perervinsk Orthodox Theological Seminary*. 2021;21:87–103. (In Russ.)

Received: 28 July 2025; accepted: 19 January 2026; published: 31 March 2026